

Лю Юань не злился, лишь стискивал зубы и терпел.

Лишь когда старушка перестала обращать на него внимание, он наконец озвучил цель своего визита.

У него был способ помочь маленькому Ань Шэну с глазами.

Он не уточнил, в чем именно заключался этот способ, просто попросил отдать ему ребенка на один день, пообещав, что за это время вернет его в нормальное состояние.

В те дни Ань Шэн вел себя нормально только днем, не капризничая и не крича, но как только наступала ночь, он снова начинал кричать. Ань Ли каждую ночь сидела рядом с ним, фактически став матерью, хотя и не имея собственных детей.

Ань Ли ему не верила, но отец Сян Хэна предложил попробовать, ведь ребенок не мог продолжать жить в таком состоянии. Лучше хоть капля надежды, чем полное ее отсутствие.

Когда Ань Шэна вернули обратно, все были поражены: глаза ребенка стали нормальными, но теперь он носил очень толстые очки, что выглядело крайне странно.

Старушка, глядя на Ань Шэна, который кричал ей «бабушка», лишь гладила его лицо руками, не зная, что сказать.

Слишком много эмоций переполняло ее, и она не могла выразить их сразу.

Так Ань Шэн впервые после того случая начал нормально говорить и звать людей по именам, но ребенок ни разу не улыбнулся, только целыми днями играл в игровую приставку, сменив уже несколько батареек.

Лю Юань же наклеил в комнате Ань Шэна какие-то странные вещи, велел не трогать их, и оставив фразу, что вернется позже, ушел.

— Так что, Ань Шэн, выросши, пережил многое, — старушка похлопала Цзян Инъюя по руке, давая понять, что он может остановиться.

— ...

Цзян Инъюй тоже остановился, пошевелил рукой и только сейчас почувствовал, что, кажется, вывихнул ее.

Внезапно он вспомнил, что Ань Шэн упоминал одну вещь, и спросил:

— Бабушка, Ань Шэн сказал, что имя ему придумали вы?

Старушка, услышав этот вопрос, улыбнулась, вспоминая те времена, и до сих пор в ее сердце оставалась боль.

— Да, — отозвалась старушка. — Его прежнее имя было плохим, я полистала словарь и поменяла его. Твой дедушка тогда еще смеялся надо мной, а окажись — ребенку даже нравится.

Поразмыслив, она добавила:

— Я и тебе имя выбрала еще до твоего рождения, да только твоя мама не одобрила, вот

бабушка и промолчала...

Старушка поправилась и села, потянув Цзян Инъюя за руку, усадив его рядом, и погладила его лицо.

— Инъэр, ты хороший ребенок, умный, бабушка знает, — вздохнула старушка. — Твоя мама бабушку не любит, зато бабушка тебя любит, жалеет. Это твой дом, у тебя всегда будет место, бабушка-то никуда не денется.

— Бабушка уже стара, нет той силы, что в прежние годы. Твоя мама каждый год бабушке денег дает, но мне их жалко тратить, коплю. Думаю, когда внук мой женится, бабушка должна прийти прилично, чтоб лица тебе не потерять, так ведь?

Эти слова прямо попали в самое сердце Цзян Инъюя, он наконец не выдержал, нос заложило, и слезы покатались по щекам.

Он боялся, что старушка увидит, и обнял ее.

— Эх, бабушка тебя любит, я здесь, — старушка протянула руку и нежно похлопала Цзян Инъюя по спине. — Не плачь, не плачь, а то совсем в пятна заросешь.

Цзян Инъюй хрипло ответил:

— Я не плачу.

Старушка улыбнулась:

— Ладно, ладно, не плакал, не плакал. Иди умойся, завтра же в школу, ведь так?

— Угу, завтра экзамен, — Цзян Инъюй вытер слезы, отпустил старушку и встал. — Тогда я пойду наверх.

Старушка с улыбкой смотрела ему вслед, махнула рукой:

— Иди, иди, пятнистый котик.

Цзян Инъюй на ходу бросил ей:

— Я же сказал, не плачу.

Войдя в главную комнату, Цзян Инъюй оглядел беспорядок на полу: стулья были перевернуты, повсюду валялись чашки и бобы. Он начал поднимать стулья по одному, а рассыпанные чашки и бобы пришлось подметать веником.

Сквозь боль во всем теле закончив уборку, Цзян Инъюй набрал воды и помылся. Оделся он легко, и теперь почти все тело было в ссадинах, рука болела, видимо, была вывихнута, а голова наливалась тяжестью.

Он вдруг вспомнил, что Ань Шэн хитро напялил школьную форму!

Тьфу!

Лишь лечь в постель, Цзян Инъюй почувствовал, как боль накрыла его с головой, закрывая собой все вокруг.

Судя по прошлому разу в курилке, Ань Шэн тогда почти не сопротивлялся, и его манера драться не напоминала умельца. Черт, сегодня он действительно открыл мне глаза!

Оказывается, он не просто умеет драться, а бьется не на жизнь, а на смерть. Как говорится, босому с обутом не тягаться, но если вдуматься, ведь он-то и есть тот самый босой!

Ань Шэн в драке действительно рубился с пеной у рта. Изначально Цзян Инъюй думал, что Ань Шэн упадет через пару ударов, но у того оказалась чудовищная взрывная сила, Цзян Инъюй прижали так, что он едва смог вывернуться. Сила Ань Шэна была реально большой, он бил и матерился одновременно, дыхания не терял.

К концу драки Цзян Инъюй внезапно расхотел драться, было скучно, он устал. Он и не хотел драться изначально, это Ань Шэн слишком много болтал, причем только то, что било прямо в больные места.

Цзян Инъюй только перевернулся, как судорожно вздохнул:

— Черт.

Поясницу тоже помяло...

Подумав, что Ань Шэн, вероятно, чувствует себя не лучше, Цзян Инъюй усмехнулся, смех вызвал новую волну боли во всем теле.

А тем временем у Ань Шэна... Ань Ли смотрела на Ань Шэна с мрачным лицом, который, расстегивая молнию на форме, возвращался весь в синяках.

— Эй? Ты чего... — Ань Шэн прошел прямо мимо нее, не обратив внимания. — ...Что стряслось-то?

Сян Хэн играл с Теданем, он поднял голову и посмотрел на мать:

— Ой, похоже, дядя только что кого-то отделал, да еще и в ярости.

Ань Ли скривилась и стукнула Сян Хэна костяшками по лбу:

— Мать твоя не слепая, вижу. Живо вылей воду для ног и ступай спать.

Вернувшись в комнату, Ань Шэн обеими руками ухватился за рукава и стянул форму, подошел к шкафу и начал рыться в ящике.

Вдернув нитку под лампой, Ань Шэн разгладил форму: на рукаве зияла огромная дыра, его чуть целиком не оторвали.

— Черт, мне одну форму чинить два раза, и все из-за одного человека, черт бы его побрал! — глядя на огромную дыру, Ань Шэн в ярости схватил иглу и принялся шить.

Когда Ань Ли поднялась с лечебным вином, она увидела именно такую картину: Ань Шэн быстро двигал руками, с яростным лицом что-то бормоча.

Она поставила предметы на письменный стол и с усмешкой спросила:

— Что натворил? Послал отнести бобы, а ты по дороге подрался? С Иньэрмом? С такой силой ударил?

Ань Шэн скривился:

— Этот ублюдок! Чтоб он сдох!

Ань Ли одной рукой открыла бутылку, а другой шлепнула Ань Шэна по спине:

— При мне следи за языком.

— Сись... сестра... — Ань Шэн судорожно вдохнул. Спина болела, ведь он ударился ею о ножку стола, а тут еще и шлепок, да и игла палец уколола.

— Кто тебя грязным словом научил? Сам разотри, отец Сян Хэна скоро вернется, мне нужно разогреть ему еду. А ты давай заканчивай и пораньше ложись, — сказала Ань Ли и повернулась к выходу.

Ань Шэн фыркнул:

— Злая женщина, сись...

Выдернув иглу, он увидел, как из пальца сразу выступила кровь.

Черт!

На следующий день Цзян Инъюй с ранцем за плечами, прихрамывая, шел уже какое-то время, когда вдруг мимо него промелькнула тень, заставив вздрогнуть.

Впереди человек резко затормозил и остановился.

Это был Ань Шэн.

История, которую бабушка рассказала вчера вечером, история Ань Шэна, действительно тронула Цзян Инъюя, но он не собирался с ним здороваться.

Он прошел мимо велосипеда Ань Шэна, глядя прямо перед собой, а Ань Шэн бросил на него взгляд.

— Садись, — сказал Ань Шэн.

Тон был довольно неприятным.

Цзян Инъюй ответил еще более неприятно:

— Не сяду, спасибо.

— ...

Ань Шэн посмотрел на человека, отстоящего от него шагов на семь-восемь, и крутя педалями, догнал его.

— Если бы я не пообещал бабушке ехать с тобой одним путем, ты думаешь, кто угодно может сесть на мой велик?

Цзян Инъюй усмехнулся и, продолжая идти, произнес:

— Ты что, думаешь, у тебя лимузин «Роллс-Ройс»? Да не кто угодно на нем ездит! Пошел ты

нафиг.

Он, Цзян Инъюй, тоже не на всякий велик садится!

Запах пороха между ними становился все сильнее, и как раз они проходили мимо любимой ларька с вонтонами.

Хозяин, увидев их, тут же высунул голову из окна кухни и крикнул им наперегонки:

— Ань Шэн, вы опять за вонтонами? Быстро, я только что закинул в котел, скоро будут готовы!

— Не будем, нет настроения, — отрезал Ань Шэн.

— Не буду, — отозвался Цзян Инъюй.

<http://bllate.org/book/16784/1543611>